

Путешествие в прошлое или пролог к будущему?

Член-корреспондент РАН В.В.Малахов

Московский государственный университет им.М.В.Ломоносова

Эта книга, несмотря на название, не о Беломорской биологической станции МГУ им.М.В.Ломоносова (ББС), а о выдающемся человеке, создавшем «страну ББС», ее директоре — Николае Андреевиче Перцове, ушедшем из жизни в 1987 г. Сколько же всего произошло с тех пор! Неузнаваемо изменилось государство, в котором мы живем. Ушла в историю огромная империя, довлевшая над значительной частью мира. Исчезла идеология, которая внушала самые большие надежды и принесла самые большие разочарования.

И вот я держу в руках толстую книгу, в которой несколько десятков людей пишут о Николае Андреевиче. Что заставило их, уже немолодых и много переживших именно в последние два десятилетия, говорить о Перцове? Не странно ли вспоминать с таким эмоциональным накалом о человеке, ушедшем из жизни без малого четверть века назад? И что заставляло меня писать эти строки, переосмысливать свое отношение к этому человеку и заново переживать события давно минувших лет?

Большую часть жизни Николай Андреевич проработал в должности младшего научного сотрудника, не будучи даже кандидатом наук и получая скромную зарплату 120 рублей в месяц. (Для тех, кто не жил в СССР, сообщу, что кандидат наук со стажем получал 200 рублей, а если повезло стать старшим научным сотрудником, то и 300.) Тем не менее Перцов и при жизни

был, и после остался несомненно известнее многих украшенных чинами и зарплатами академиков, имена которых сейчас вспоминают только по случаю круглой даты, а то и вовсе забыты. Этот человек создал волшебную страну — «страну ББС», и несколько тысяч побывавших там счастливых сохранили память о ней на всю жизнь.

И об истории ББС, и о Перцове написано уже немало. Своеобразие новой книги в том, что ее настоящий автор — не Екатерина Игоревна Каликинская, чье имя значится на титульном листе, а «сводный хор» из людей, которые на том или ином этапе жизни соприкасались с Николаем Андреевичем. Однако не стоит преуменьшать роль Каликинской как автора идеи и организатора огромного авторского коллектива. Поскольку она начала работать над книгой, когда многих сверстников Перцова уже не было в живых, ей удалось собрать высказывания в основном тех людей, которые встречались с ним, будучи молодыми. Одни из них поддерживали Перцова, другие — относились к нему критически. Сейчас они уже немолоды, работают в разных местах и находятся в разных чинах, да и живут порой в разных странах.

Иногда бросается в глаза отсутствие редакторской правки, и я подозреваю, что Екатерина Игоревна сделала это преднамеренно. Опубликовав воспоминания людей в виде прямой речи, она сохранила свойственные им словечки или неправильности и добилась тем самым эффекта

Е.И.Каликинская. СТРАНА ББС.

М.: Авторская академия; Товарищество научных изданий КМК, 2008. 536 с.

живого языка с яркими интонациями. В высказываниях звучат характерные для людей 60–80-х годов XX в. надежды и заблуждения, они восхищаются тем и гневуются на то, что в наши дни уже не вызывает таких эмоций. Со страниц книги звучит, как бы банально это ни звучало, «голос поколения», и именно это, пожалуй, делает книгу интересной. Задумайтесь, ведь нередко сложить мнение о человеке можно по тому, что он говорит о других. И в этом смысле спустя годы книга будет важным подспорьем для тех, кто захочет составить психологический портрет человека второй половины XX в.

Книга охватывает период с начала 1950-х годов до кончины Перцова. О ранних 50-х у Каликинской, по понятным причинам, было не много собеседников. Это, в первую очередь, вдова Николая Андреевича — Н.М.Перцова, его благородный друг, донкихот российской науки С.Э.Шноль, а также студенты, приезжавшие на первые практики и в первые строительные бригады, — Н.А.Ляпунова, А.Я.Супин, А.М.Масс, М.Ф.Шемякин. Есть в книге и воспоминания П.В.Матекина, который побывал на посту директора ББС до и после Перцова. Зато о 60–80-х годах говорят десятки собеседников, в их словах — портреты еще нескольких сотен людей, которые так или иначе были связаны с биостанцией.

ББС — структура биологического факультета МГУ, главная особенность которого, пожалуй, в том, что это единственное в нашей стране учебное учреждение, где работают не только преподаватели, но и научные сотрудники. В МГУ, как во многих европейских и американских университетах, образование ведется в неразрывной связи с научными исследованиями, поэтому студенты там «варятся» в среде живой науки. Однако все научные сотрудники существуют на кафедрах МГУ незаконно — по уставу высшей школы

их там не должно быть. Каких трудов стоит нашему руководству сохранить научные должности! А ведь ликвидируй их, и наука в МГУ если и не исчезнет совсем, то может сильно деградировать.

Я пишу об этом, чтобы пояснить, как много в МГУ существует не «благодаря», а «вопреки». И ББС существует тоже не «благодаря», а «вопреки» и в какой-то степени не совсем законно. Со времени ее основания прошло уже 70 лет, и все эти годы никакой официальной должности директора нет. И Перцов был директором «на общественных началах», а по штатному расписанию — младшим научным сотрудником кафедры зоологии беспозвоночных, и нынешний руководитель биостанции А.Б.Цетлин официально — профессор кафедры зоологии беспозвоночных. Непонятно, почему все вокруг как будто меняется, а вот это — нет.

Если бы Николай Андреевич придерживался рамок своих прямых должностных обязанностей, то берег Ругозерской губы Белого моря до сих пор выглядел бы приблизительно так, как в 1951 г., — несколько дощатых сарайчиков и шаткие мостки, к которым привязаны две-три лодки. Только гениальный человек мог в тех условиях создать единственную в нашей стране научно-учебную биологическую станцию, где наука существует не сама по себе (увы, в нашей стране много науки, которая существует для самой себя), а как необходимый компонент образования. Николаю Андреевичу удалось реализовать главную идею университета — связь науки и образования, и этим ББС выгодно отличается от нескольких (весьма, впрочем, многочисленных) морских биостанций, принадлежащих академическим институтам.

Как Николай Андреевич добывал для этого средства, как строил корпуса, какими невероятными путями попадали на биостанцию суда, как тянули че-

рез тайгу линию электропередачи (ЛЭП) и т.д. — обо всем этом много говорят со страниц книги участники событий. Сотрудники МГУ, бывшие студенты и стройотрядовцы говорят с восхищением (об энтузиазме, технических и организаторских способностях Перцова), говорят с горечью (как много сил и здоровья у него ушло на это), говорят с гордостью (ведь их труд тоже вложен в корпуса биостанции). Читайте в книге их прямую речь, и вы не сможете не почувствовать всего этого, вы поймете даже то, что не произносят, но чувствуют; прямая речь обладает такой особенностью! Смотрите на их лица на многочисленных, пусть и не самого лучшего качества любительских фотографиях, заполнивших страницы книги! Они многое вам расскажут.

В этой книге, как и в других публикациях о ББС, много написано о беломорском стройотряде, созданном Перцовым еще в 50-х годах. И хотя это повторюсь много раз, еще раз скажу: никакого отношения к появившимся позднее под эгидой ВЛКСМ стройотрядам он не имел. Это было по-настоящему добровольное объединение романтически настроенных молодых людей, которые абсолютно бескорыстно (члены беломорского стройотряда не получали зарплаты) трудились на биостанции. Руками стройотряда было построено немало зданий, проложена ЛЭП, стройотрядовцы добывали в море плавник, распиливали его на доски на пилораме, работали на бетономешалке... Удивительный дух беломорского стройотряда трудно передать словами, как невозможно, наверно, описать состояние любви; в любом случае мне, тоже участнику беломорского стройотряда, это не под силу.

Стройотрядовцы относились к биостанции так же, как Перцов; они понимали его, а он понимал их. Возможно, так чувствовали себя легендарные коммунары первых лет советской вла-

сти (правда, они, наверное, были такими лишь в фантазиях советских писателей и кинематографистов). «У нас здесь маленький коммунизм», — говорил Николай Андреевич. Мне кажется, что он сам на всю жизнь так и остался тем самым бескорыстным коммунарком. Сейчас бывшие члены беломорского стройотряда разъехались по всему свету. Немало их, хороших ученых и высококвалифицированных специалистов, оказалось за рубежом. Все они считают время, проведенное в беломорском стройотряде, лучшим периодом своей жизни, и дело тут не в воспоминаниях молодости. Там, в беломорском стройотряде, проявлялись лучшие человеческие качества.

На ББС Перцов обладал непререкаемым авторитетом и властью. Очевидно, что власть может выявить в человеке и хорошее, и плохое. Каких только начальников в науке на больших и малых постах я не видел! Перцов тоже не всем нравился. В 70-х годах на биостанции разгорелся тяжелый конфликт между ним и теми его подчиненными, которые считали, что хватит строить, надо заниматься наукой. На самом деле, эти претензии проистекали не от понастоящему талантливых научных работников (это было бы еще как-то понятно), а от людей с очень скромными способностями. Ничего стоящего они в науке так и не сделали, и не потому что им Николай Андреевич не давал, — им, как говорится, Бог не дал. Об этом конфликте немало говорится в книге, читайте сами, а мне на этом останавливаться не хочется.

С биостанциями вообще так бывает. В какой-то момент сотрудники забывают, что она создана как инструмент коллективного пользования для университета или института. Они начинают рассматривать ее как самостоятельное учреждение с собственными целями и задачами, требовать, чтобы студенты не мешали работать, чтобы

приезжие специалисты не занимали лаборатории, но при этом чтобы университет (или институт) давал деньги и платил зарплату. Все это бывало на ББС, бывало и на других биостанциях, боюсь, что может случиться и в будущем. Николай Андреевич, как мне кажется, никогда не забывал, для чего создавалась Беломорская станция.

И все же дело было не только в этом. Менялось время, менялись взгляды. Новые поколения формировались совсем в другой обстановке по сравнению с той, в которой выросли сверстники Перцова. Обстановка 70-х, а тем более 80-х годов не располагала к бескорыстному подвигу. Липкая атмосфера застоя, ханжества, лицемерия, узаконенной двойной морали не могли не действовать на людей. Оторванная от «большой земли» ББС продолжала оставаться островком морали 50-х годов, морали победителей, освободителей человечества, морали детей XX съезда с их светлыми, хотя и несостоявшимися надеждами, с нейтраченными идеалами бескорыстной борьбы за общественное благо. И в 70—80-х годах на ней все еще пели песни 40-х о бравых краснофлотцах и трех танкистах.

Увы, на «большой земле» все давно уже было не так. Николай Андреевич сталкивался с непониманием новых поколений студентов и сотрудников. Он чувствовал, что они не разделяют его взгляды, что его призывы на них не действуют, что те методы, которые так хорошо работали в 50—60-х годах, не годятся в 80-х. Об этом тоже есть в книге. Каликинская не побоялась включить в книгу высказывания тех, кому атмосфера ББС казалась угнетающей, кто сравнивал обстановку на биостанции с Советским Союзом в миниатюре: «Сначала бурный общественный энтузиазм... Но потом все загнивает, начинается поиск врагов внешних и внутренних» (с.239). Я слишком уважаю тех людей, кто так говорил

о биостанции, чтобы обвинять их в неправде. Тот «маленький коммунизм», о котором говорил Перцов, был все же утопией, а утопии недолговечны.

В 70—80-х годах Николай Андреевич уже не мог контролировать все на разросшейся станции, а его помощники (присылаемые из Москвы «начальники практики», «комиссары» и т.п.) не обладали ни необходимой мудростью, ни необходимым авторитетом. Бесплатные рабочие руки развращали тех, кто давал задания студентам на общественных работах. В какой-то степени это действительно повторяло коллизию советской системы, широко пользовавшейся бесплатным трудом добровольных энтузиастов (сначала) и принудительным трудом заключенных (потом). Бесплатный труд развращает работодателя, как незаработанные деньги развращают потребителя. За хорошую оплату можно поручить человеку любую, иногда на первый взгляд самую бесполезную работу. Но бесплатно человек может делать только то, что он считает действительно очень важным и жизненно необходимым, полезность чего для него очевидна. Этих простых вещей посланные деканатом и парткомом «начальники практики» и «комиссары» не понимали, как не понимали этого и руководители большой советской утопии. Вот почему некоторые авторы этой книги считают, что «к началу 70-х годов общественные работы выродились».

Николай Андреевич не увидел ужасающих картин разрушения ББС в 90-х годах, причиной которого стало не только отсутствие финансирования — при Перцове его тоже не было. Его преемники не обладали той идеей, которая, как путеводная звезда, светила ему всю жизнь и которой он вдохновлял других. Старые идеи и методы уже не годились для нового времени, а для новых идей и методов не годились люди из прошлого. И все же биостанция выстояла,

выстояла благодаря той огромной любви, которую к ней испытывали тысячи людей. Выстояла благодаря тому запасу прочности, который в нее заложил Николай Андреевич. Когда в середине 90-х годов ББС отключили от электроснабжения и перестали работать электрические плиты столовой, на складах нашлись запасенные Перцовым армейские полевые кухни, они то и кормили студентов в последние годы.

Запасом прочности биостанции были и многие сотни людей (их далеко не полные списки есть в конце книги Каликинской), которые прошли через беломорский стройотряд. Говорят, что у Николая Андреевича не было учеников. Это неправда: его ученики — сотни стройотрядовцев, студентов и аспирантов, которые помнят о нем всю жизнь. Один из этих учеников, активный участник беломорского стройотряда, а ныне профессор

биологического факультета МГУ А.Б.Цетлин стал директором биостанции, после чего, как написано в русском издании Википедии, «обстановка на станции стала стремительно улучшаться». Не будем хвалить нового директора, у нас не принято хвалить при жизни, а просто пожелаем ему успеха. И поблагодарим Екатерину Игоревну Каликинскую, подарившую нам счастливую возможность снова побывать в волшебной «стране ББС». ■

Биология

А.И.Шаталкин. «ФИЛОСОФИЯ ЗООЛОГИИ» ЖАНА БАТИСТА ЛАМАРКА: ВЗГЛЯД ИЗ XXI ВЕКА. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2009. 606 с., библиограф. 1128 назв., 40 илл.

Двести лет назад Жан Батист де Ламарк издал книгу «Философия зоологии». Выдающееся творение французского гения пережило и начальное неприятие, и последующее искажение ключевых идей, и временный триумф, и, наконец, забвение. Так сложились обстоятельства, что Ламарк и его последователи, когда-то задававшие тон в биологии, по существу были отодвинуты на обочину интеллектуального прогресса. Судьба не всегда была благосклонной и к самому Ламарку. И сейчас, если и отдадут должное личности Ламарка, то делают это скорее по формальным соображениям. Какое еще может быть отношение к человеку, проигравшему в глазах научного сообщества «интеллектуальную борьбу» Ч.Дарвину.

В издании, осуществленном при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, изложено новое понимание эволюционной доктрины Ламарка. До середины XIX в. в языке науки не было понятия наследственности, но было заменяющее его понятие природы. Родовые и видовые признаки с времен схоластики рассматривались в качестве существенных и, следовательно, истинных признаков, описывающих природу организма. Природу в этом смысле противопоставляют изменчивым внутривидовым признакам, которые могут быть классифицированы по способности или неспособности передаваться от родителей детям. Понятие наследственности в качестве описания наследуемой изменчивости было использовано Дарвином в его теории естественного отбора. Ламарковская и дарвиновская модели эволюции, следовательно, имеют разные предметные области. К концу XIX столетия понятие природы (организма) исчезло

из языка науки. Как результат, «ключ» для удовлетворительного понимания произведений Ламарка был утерян. Ламарковский подход соответствует положениям физиологической концепции наследственности, имевшей хождение на рубеже XIX—XX вв. и ныне получившей развитие.

Океанология

А.Г.Матуль. ЧЕТВЕРТИЧНАЯ СТРАТИГРАФИЯ И ПАЛЕООКЕАНОЛОГИЯ ОХОТСКОГО МОРЯ И ДРУГИХ СУБАРКТИЧЕСКИХ РАЙОНОВ. М.: ГЕОС, 2009. 182 с.

Монография затрагивает фундаментальную проблему глобальных природных изменений. Речь идет о выяснении причин их ритмичности и направленности. Высокоширотные районы суши и океана испытывали наибольшие климатические колебания в четвертичное время, в частности за последний миллион лет, когда четко оформились амплитудные ледниковые циклы. Субарктический район — полигон изу-